

ВЛАДИСЛАВ МАХЬЯНОВ

АРЕНДА ВЕЧНОСТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Владислав Махьянов

Аренда вечности

«Автор»

2026

Махьянов В.

Аренда вечности / В. Махьянов — «Автор», 2026

Восемь лет Виктор превращал чужие несчастья в таблицы. Всё меняется утром, когда за окном падает человек. Виктор просто хочет, чтобы тот выжил, — и мир подчиняется. Так он узнаёт о четырёх Дарах — силах, способных менять причины, переписывать биографии и выбирать, какая версия реальности получит право на существование. Сначала это кажется шансом исправить ошибки. Пока каждое спасённое будущее не начинает вытеснять другое. Письмо из будущего приводит Виктора к компании «Оракул» и к людям, уже сделавшим иной выбор. Чтобы предотвратить новый Великий Сброс, ему придётся выяснить, кто сдаёт человечеству вечность в аренду — и кто платит за каждое исправленное будущее. Первая книга трилогии «Аренда вечности».

© Махьянов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Эхо Первородных Даров	5
ЧАСТЬ I. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ПОВЕЗЛО	7
Глава 1. Статистика несчастий	7
Глава 2. Человек, который падал	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владислав Махьянов

Аренда вечности

Пролог. Эхо Первородных Даров

Я помню то, чего никогда не видел.

Долгое время эта фраза казалась мне красивой бессмыслицей — одной из тех мыслей, которые приходят перед сном, когда разум уже ослабил хватку, но ещё не растворился в темноте. Утром от них остаётся только липкое ощущение утраты, будто ночью ты почти понял устройство мира и забыл ответ за секунду до пробуждения.

Мне снился город, которого нет ни на одной карте. Его башни изгибались под тяжестью низкого неба, улицы были вымощены чёрным стеклом, а по ним шли люди без лиц. Я знал каждого: их имена, страхи, смерти и слова, которые они не успели произнести. Иногда я видел море, заполненное человеческими голосами. Иногда — солнце, восходящее на западе. Иногда — собственные руки с оружием, которого человечество ещё не избрело.

В детстве я просыпался от этих снов с кровью из носа. Мать прикладывала к лицу холодное полотенце и говорила, что у меня богатое воображение. Отец смеялся, называл меня стариком в детском теле и обещал однажды купить толстую тетрадь, чтобы я записал все придуманные миры.

Тетрадь он купил. Я не написал в ней ни строки.

С возрастом сны стали реже. Жизнь научила меня удобной разновидности забвения: работа, счета, очереди, ежегодные медицинские осмотры, разговоры, в которых никто не говорит того, ради чего позвонил. Я решил, что выздоровел.

Теперь знаю: это была не болезнь.

Это была память.

Не моя — наша.

Никто не может сказать, когда появились Архитекторы. Возможно, потому что слова «когда» и «появились» к ним неприменимы. Время возникло позже, как линейка, нарисованная внутри картины существом, которое не способно увидеть её целиком. Архитекторы не лепили планеты и не разжигали звёзды. Они работали глубже — там, где материя ещё не отделилась от мысли, вероятность могла стать камнем, а желание — законом природы.

Они создали различия: здесь и там, до и после, я и не-я. Из различия выросло сознание. Мир научился замечать собственное существование, а затем появились люди — существа, через которых реальность могла смотреть на саму себя и не узнавать отражения.

Но человек оставался пленником причин. Он видел возможность, однако не мог склонить её в свою пользу; принимал решения, не замечая цепей, которые начинались задолго до его рождения. Тогда в мир вошли четыре Дара.

Удача дала вероятности предпочтение.

Неудача научила находить трещину.

Тьма создала место для того, что невозможно вынести.

Свобода разорвала причинную цепь внутри человеческого решения.

Некоторое время Дары казались благословением. Потом люди поняли, что ими можно управлять.

Цари наклоняли вероятность. Убийцы заставляли мир совершать преступление вместо них. Пророки выпускали наружу чужую Тьму. Носители Свободы отменяли законы, не понимая, что каждое исключение немедленно становится новым законом для тех, кто окажется рядом.

Так начались войны реальности.

Города погибали от событий, которые не должны были происходить. В одном месте дождь шёл вверх, пока небо не захлебнулось океаном. В другом дети рождались старше родителей. Целые народы исчезали причинно: дома, книги и могилы оставались, но никто не мог вспомнить, кому они принадлежали.

Когда несовместимые версии мира начали накладываться друг на друга, Архитекторы провели первый Великий Сброс. Они не уничтожили человечество — только стёрли память. Города и тела сохранились, люди забыли, за что воевали и какой силой обладали.

Через века человечество снова находило Дары, снова принимало власть за право и снова разрушало реальность. За каждым крахом следовал новый Сброс.

Память нельзя уничтожить полностью. Можно стереть содержание, но нельзя стереть форму раны. Поэтому человек тоскует по месту, которого никогда не видел, встречает незнакомца и на мгновение чувствует, что уже любил его, убивал или был им. Мы называем это предчувствием, дежавю, ошибкой мозга.

На самом деле это эхо.

В ночь последнего Сброса произошла ошибка. Когда миллиарды сознаний погасли, одно продолжило смотреть. Нечто холодное, огромное и безразличное вошло в него, чтобы вычистить прошлое, — и остановилось, словно во вселенной захлопнулась дверь.

Много лет спустя я родился в обычной больнице у обычных родителей. Кричал, как все младенцы, но вместе с первым вдохом вспомнил, как умирал тысячу раз. Младенческий разум не мог вместить это знание, и память ушла глубже — в тело, рефлексy, сны и необъяснимые страхи.

Она ждала.

Тридцать два года спустя я стоял у окна своей квартиры и смотрел, как человек падает с крыши соседнего дома.

Времени на размышления не было.

Я просто захотел, чтобы он не умер.

И мир впервые подчинился мне.

ЧАСТЬ I. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ПОВЕЗЛО

Глава 1. Статистика несчастий

За час до того, как человек упал с крыши, я рассчитывал вероятность его смерти.

Не его лично, конечно. В таблице он назывался «мужчина, 30–39 лет, городской житель, средний уровень риска». Такие мужчины получали травмы на производстве, попадали под машины, травились угарным газом, падали с высоты и иногда умирали без уважительной причины — просто потому, что достаточно большое число людей рано или поздно превращает любую редкость в статистику.

Я работал в страховой компании восемь лет. Отдел аналитики занимал половину седьмого этажа бизнес-центра, где окна не открывались, кондиционер зимой дул холодом, а летом пах мокрой тканью. На стене висел плакат: «Мы делаем будущее предсказуемым».

Каждый раз, проходя мимо, я думал, что это угроза.

В то утро начальник вызвал меня к себе и положил на стол распечатку.

— Что это? — спросил он.

— Отчёт по несчастным случаям за третий квартал.

— Я вижу заголовок. Почему он у меня на столе только сейчас?

Павел Николаевич умел произносить «сейчас» так, будто за окном уже началась ядерная война, а я задержал кнопку отмены.

— Вы просили добавить данные по региональным выплатам.

— Я просил вчера.

— Данные пришли сегодня утром.

— Вячеслав...

— Виктор.

Он посмотрел на меня поверх очков. За восемь лет он путал моё имя минимум дважды в месяц и каждый раз обижался, если я поправлял.

— Виктор, — произнёс он с той осторожностью, с какой обычно повторяют диагноз. — Клиент не интересуется, почему мы не успели. Он интересуется, почему должен платить за наше неумение планировать.

— Клиент платит нам как раз за то, что мы умеем планировать чужие несчастья.

Павел Николаевич не улыбнулся.

За стеклянной перегородкой Алёна сделала вид, что кашляет. Она сидела за соседним столом третий год и знала два способа пережить разговор с начальством: не попадаться на глаза и превращать смех в приступ бронхита.

— Исправьте диаграмму на странице четырнадцать, — сказал начальник. — И будьте добры сегодня без философии.

Я вернулся за стол. Алёна подождала, пока дверь кабинета закроется.

— Вячеслав, — сказала она.

— Очень смешно.

— Ты сам виноват. У тебя лицо человека, которого зовут Вячеславом.

— А у тебя лицо человека, который добровольно работает с Павлом Николаевичем.

— Здесь ничья.

Она протянула мне шоколадную конфету. Я взял, хотя не хотел. В нашем отделе конфеты заменяли извинения, поздравления, просьбы о помощи и антидепрессанты.

— Ты послезавтра к матери едешь? — спросила Алёна.

Я посмотрел на неё.

— Ты откуда знаешь?

— В прошлом году ты тоже был мрачнее обычного. Потом сказал, что годовщина отца.

Я не помнил, что говорил ей. Возможно, тогда мы сидели после работы в дешёвой пиццерии, и я выпил лишнего. Возможно, она просто умела замечать людей — качество, бесполезное в аналитическом отделе и опасное во всех остальных местах.

— Она хочет, чтобы я приехал на кладбище, — сказал я.

— А ты?

— У меня совещание.

Алёна кивнула на мой календарь. На завтра там стояло только «зубной, 18:30», перечёркнутое две недели назад.

— Очень важное совещание.

— С самим собой.

— Самые бессмысленные обычно такие.

Я открыл отчёт. На экране была диаграмма смертности от падений с высоты. Красная линия шла вверх на семь процентов.

— Я не знаю, о чём с ней говорить, — сказал я.

Алёна перестала улыбаться.

— О чём угодно.

— Она всё время вспоминает его.

— А ты всё время стараешься не вспоминать.

— Поэтому наши разговоры прекрасно сбалансированы.

Телефон завибрировал. На экране появилось «Мама». Я сбросил вызов и сразу почувствовал облегчение, за которым пришёл стыд. Оба чувства были привычными, как боль в старой пломбе: неприятно, но терпимо, пока не трогаешь языком.

— Возьми отпуск на день, — сказала Алёна.

— Павел Николаевич решит, что я умер.

— Ты же аналитик. Посчитай вероятность.

Я открыл страницу четырнадцать и исправил диаграмму. Красная линия стала синей. Данные не изменились, но выглядели спокойнее.

В полдень в офисе отключилось электричество. Мониторы погасли, кондиционер затих, и на несколько секунд стало слышно, как здание живёт: вода в трубах, лифтовые тросы, ветер между стеклянными панелями.

В темноте мне показалось, что кто-то произнёс моё имя.

Не «Виктор».

Другое. Очень старое, состоявшее не из звуков, а из ощущения, будто тебя узнали в толпе. Свет вернулся. Коллеги застонали, компьютеры начали перезагружаться.

— Слышала? — спросил я Алёну.

— Что?

— Ничего.

На экране восстановилась таблица. В одной ячейке вместо числа стояло слово: «СМОТРИ».

Я моргнул.

Слово исчезло, сменившись обычными 0,037 процента.

До конца рабочего дня я несколько раз возвращался к этой ячейке. Формула была правильной. История изменений пустой. Я решил, что устал.

В шесть вечера Алёна надела пальто и задержалась у моего стола.

— Не оставайся допоздна.

— Я почти закончил.

— Ты всегда почти закончил. Это твоя форма вечной жизни.

Она ушла. Через пять минут Павел Николаевич прислал письмо с темой «СРОЧНО», в котором просил изменить цвет ещё двух диаграмм.

Я закрыл ноутбук.

На улице шёл мокрый снег. Автобус пришёл сразу — редкая удача, которую я не оценил. Я сел у окна и увидел своё отражение: мужчина тридцати двух лет, небритый, с глазами человека, который давно не высыпался и считал это особенностью характера.

Напротив сидел мальчик лет шести и подбрасывал монету. Она падала ему на ладонь одной и той же стороной.

Орёл.

Орёл.

Орёл.

На четвёртый раз я наклонился, чтобы рассмотреть. Мальчик сжал монету.

— Нельзя смотреть, — сказал он.

— Почему?

— Тогда она понимает, чего ты хочешь.

Его мать оторвалась от телефона.

— Не приставай к дяде.

— Я не пристаю. Я предупреждаю.

Автобус остановился. Я вышел на две остановки раньше, хотя обычно ненавидел ходить под снегом. Мне хотелось проветрить голову.

По дороге домой я купил кофе, хлеб и пачку сигарет, хотя бросил три года назад. Сигареты положил в карман и ни одной не выкурил. Так я обычно обращался с решениями: покупал возможность, чтобы не выбирать.

У подъезда лежал рекламный листок страховой компании-конкурента. На нём счастливая семья стояла под огромным прозрачным зонтом. Слоган обещал защиту от непредвиденного.

Я поднял листок и выбросил в урну.

В лифте снова отключился свет.

На этот раз голос произнёс отчётливо:

— Проснись.

Лампа вспыхнула. Лифт остановился на моём этаже.

Дома я не включал свет несколько минут. Стоял в прихожей и прислушивался к квартире. Холодильник гудел, за стеной спорили соседи, по подоконнику стучал мокрый снег.

Телефон показал ещё два пропущенных от матери.

Я набрал сообщение: «Послезавтра постараюсь приехать».

Удалил слово «постараюсь».

Получилось: «Послезавтра приеду».

Я смотрел на фразу почти минуту, затем стёр её целиком.

Утром человек упал с крыши.

Глава 2. Человек, который падал

Он падал молча. Именно это показалось самым странным.

Шестнадцать этажей. Человек летел вниз, переворачиваясь в воздухе, но не кричал. Его тёмная куртка раздулась, руки беспомощно двигались, словно он пытался ухватиться за невидимые поручни.

Я стоял на кухне с кружкой остывшего кофе.

За окном был ноябрь. Грязный снег лежал вдоль дороги, машины медленно ползли по серому двору, а над крышами висело низкое небо.

Обычный день.

Человек падал в его центр, как жирная чёрная точка в конце предложения.

Я увидел его примерно на уровне двенадцатого этажа.

На одиннадцатом понял, что происходит. На десятом подумал, что нужно отвернуться. На девятом захотел, чтобы он выжил.

Не попросил. Не взмолился. Не сформулировал мысль.

Просто захотел.

Мир вздрогнул.

Оконные рамы дрогнули. Поверхность кофе покрылась кругами. Внутри моей головы что-то раскрылось с тихим хрустом, словно лёд на реке.

Человек продолжал падать.

Но теперь вокруг него происходили события.

На восьмом этаже из окна вылетело белое покрывало. Кто-то вытряхивал его и выпустил из рук.

На седьмом порыв ветра понёс покрывало в сторону падающего.

На шестом оно обернулось вокруг его тела.

На пятом человек ударился о металлический козырёк балкона. Конструкция сорвалась со стены, но поглотила часть скорости.

На четвёртом его отбросило в ветви старого тополя.

На третьем ветки прогнулись. На втором сломались.

На первом человек рухнул на крышу припаркованного фургона.

Металл смялся. Сработала сигнализация.

Кружка выпала из моей руки.

Она должна была разбиться.

Я успел посмотреть на неё и подумать: нет.

Кружка ударилась о плитку, отскочила и встала на дно.

Ни трещины. Кофе не пролился.

Несколько секунд я смотрел на неё. Затем перевёл взгляд на окно.

Во дворе уже собирались люди. Кто-то бежал к фургону. Кто-то звонил в скорую. Муж-чина лежал на смятой крыше и двигал рукой.

Я знал, что он жив.

Не предполагал. Знал.

Я открыл окно. Холодный воздух ударил в лицо.

Внизу кричали:

— Осторожно, не трогайте его!

— Скорую вызвали?

— Он дышит?

Я слышал каждое слово, хотя находился слишком высоко. На языке появился металлический привкус. Сердце билось редко и тяжело, как огромный механизм под землёй.

Я посмотрел на кружку.

— Упади, — сказал я.

Она не двинулась.

Я рассмеялся от нервов. Возможно, человек просто невероятно удачно упал. Такие случаи бывают. Покрывало, козырёк, дерево, фургон. Цепочка случайностей, почти невозможная, но всё же допустимая.

Моя кружка тоже могла случайно не разбиться.

Я поднял её и снова бросил.

Она ударилась о пол. Подпрыгнула. Встала на дно.

Я бросил третий раз. То же самое.

На четвёртый захотел, чтобы ручка откололась.

Кружка упала боком. Ручка отделилась ровно у основания и скользнула под стол.

Я перестал смеяться.

За окном завывала сирена скорой помощи.

В моей голове открывалась память.

Не последовательно. Не как фильм или книга. Сразу, огромными пластами. Я вспомнил миры, в которых уже совершал подобное. В одном заставил монету падать нужной стороной. В другом остановил пулю, изменив вероятность столкновения молекул. В третьем одним желанием вызвал землетрясение.

Эти воспоминания принадлежали мне и не мне.

Я видел собственные руки, но они выглядели иначе. Слышал свой голос на языках, которых не знал. Чувствовал смерть тел, в которых никогда не жил.

Меня вырвало в раковину.

Несколько минут я стоял, опираясь ладонями о столешницу. Внутри смешивались ужас и восторг.

Я должен был испугаться.

Вместо этого подумал о деньгах.

Наверное, именно это лучше всего характеризует человека. Когда перед ним раскрывается бесконечность, он первым делом проверяет банковский счёт.

Телефон на столе завибрировал. Павел Николаевич уже спрашивал, почему меня нет на совещании. Следом высветился пропущенный звонок от матери.

Завтра была годовщина смерти отца. Она хотела, чтобы я приехал на кладбище, а я заранее придумал совещание, которого не существовало.

Теперь под окнами лежал человек, которого я только что вытащил из смерти, а в телефоне одновременно жили дедлайн, мать и обычная жизнь, ещё не знавшая, что закончилась.

На секунду я захотел вернуться к ней: дописать отчёт, перезвонить, пожаловаться на ноябрь и низкую зарплату.

Потом память раскрылась ещё шире, и мир стал слишком маленьким для прежних забот.

Я оделся и вышел из дома.

Возле фургона работали врачи. Падение оцепили. Мужчину осторожно перекладывали на носилки. Его лицо было в крови, но глаза оставались открытыми.

Я подошёл ближе.

— Вы его знаете? — спросил полицейский.

— Нет.

— Тогда отойдите.

Я посмотрел на лежащего.

Он встретился со мной взглядом.

В этот момент я увидел его варианты.

Не светящиеся линии будущего. Всё было интимнее. Я почувствовал исходы так, как человек чувствует положение собственных пальцев, не глядя на них.

В одном варианте пострадавший умирал в машине скорой помощи.

В другом оставался парализован.

В третьем переживал несколько операций и через год возвращался к нормальной жизни.

В четвёртом врачи обнаруживали опухоль, из-за которой он и потерял сознание на крыше.

В пятом никогда не поднимался на эту крышу.

Последний вариант был закрыт. Прошрое уже закрепилося.

Будущее ещё колебалось.

Я выбрал третье.

Что-то мягко сдвинулось.

Один из врачей, собиравшийся вводить препарат, внезапно остановился.

— Подождите. Давление перепроверьте.

Медсестра посмотрела на монитор.

— Ошибка датчика?

— Другой поставьте.

Они изменили порядок действий. Незначительно. На несколько секунд.

Но я знал: именно эти секунды отделили мужчину от смерти.

— Отойдите, — повторил полицейский.

Я подчинился. Не потому, что обязан был.

Просто пока привыкал к мысли, что больше никому ничего не обязан.

Я дошёл до угла дома и остановился. На крыше, откуда упал мужчина, стояла женщина в красной куртке. Слишком далеко, чтобы рассмотреть лицо. Она смотрела не вниз, на скорую, а прямо на меня.

Я моргнул.

Крыша была пуста.

В кармане завибрировал телефон.

«Где ты?» — написал Павел Николаевич.

Я посмотрел на серое здание офиса, видневшееся за двором. Потом на скорую, которая увозила спасённого мной человека.

«Заболел», — ответил я.

Впервые ложь показалась не нарушением правил, а напоминанием о том, что правила всё ещё существуют только для тех, кто согласен им подчиняться.

Я пошёл в банк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.